

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ГРАЧЕВА Ю.В., МАЛИКОВ С.В., ЧУЧАЕВ А.И. СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ (НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ, ТЕКСТ, СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ТАБЛИЦЫ) / ПОД РЕД. А.И. ЧУЧАЕВА. МОСКВА: ПРОСПЕКТ, 2015. 303 С.: МАРГИНАЛИИ БЛАГОДАРНОГО ЧИТАТЕЛЯ

Ныrkова

Наталья Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70)
E-mail: nyrkowa@mail.ru

Нет истории без историка

Э. Карр

История – не сумма происшествий,
не общий ход всех событий,
а некоторое знание о происшедшем

И.Г. Дройзен

Выход в свет научного труда Ю.В. Грачевой, С.В. Маликова и А.И. Чучаева – выдающееся научное событие. Это категоричное утверждение в самом начале наших «заметок на полях» обусловлено двумя обстоятельствами.

Первое и главное заключается в том, что авторы представили юридической обществу новый исторический документ – Советское уголовное уложение 1918 года (далее – Уложение), являющееся, по существу, не известным ранее Уголовным кодексом, «построенным по пандектному принципу» (с. 6). «История ... начинается тогда, когда нам становятся известными письменные источники», – эта мысль немецкого ассириолога и археолога Г. Винклера как нельзя лучше свидетельствует, что введение в научный оборот новых источников – всегда выдающееся явление. Когда же речь идет о новом кодифицированном акте, созданном в тот период времени, который, с одной стороны, находился на изломе эпох, а с другой – в поле зрения авторитетнейших представителей уголовно-правовой исторической науки, значение его поистине сложно переоценить. При этом, характеризуя труд авторов, мы сознательно избегаем слов «удача», «везение»,

понимаемых как благоприятное стечение обстоятельств, ибо убеждены в том, что история откликается только на кропотливый каждодневный труд, острую мысль, пристальное внимание, терпение, упорство, блистательное знание предмета и методологии научного поиска. Несомненно, создатели настоящего научного труда не только знают, как надо изучать историю, но и прекрасно владеют этим знанием: оно накапливалось и шлифовалось, в том числе, предшествующими научными исследованиями авторов: истории уголовного права в целом; биографий и научного наследия наших великих ученых – А.Ф. Кони, Н.Д. Сергеевского, И.Я. Фойницкого, О.И. Горегляда, В.Д. Спасовича; особенностей жизни и судьбы личностей, шагнущих из мира юридической науки в мир литературы и искусства – П. Ершова, В. Кандинского.

Второе обстоятельство производно от содержания настоящего научного труда и лично-профессиональных качеств ученых, объединивших свои усилия в работе по исследованию Уложения, это его значение. Полагаем, оно не исчерпывается серьезным вкладом только в историческую и правовую науку. Научное издание Ю.В. Грачевой, С.В.

Маликова и А.И. Чучаева относится к тому редкому, почти исчезнувшему с современного научного горизонта типу трудов, которые, сокрушая границы отраслевого знания, обладают мировоззренческой ценностью в целом. Написанный в условиях, когда научный мир то и дело сотрясают скандальные истории, связанные с плагиатом и ставшие практически нормой заказы научных работ «под ключ»: от студенческого реферата до докторской диссертации, этот труд, в противоположность «грязным» «научным» технологиям, олицетворяет сияющие вершины настоящего творчества – от научной гипотезы до достижения результата. Он является идеальной моделью вдумчивого, добросовестного, глубоко укорененного в истории и теории права научного исследования, ценность и значение которого сохранится в любые времена.

Характеризуя содержание «Советского Уголовного уложения», отметим прежде всего безупречность его концепции, предопределившей логику и последовательность изложения результатов исследования.

Во введении авторы дают краткие пояснения, основной задачей которых является подготовить читателя к восприятию содержательной части научного труда, помочь глубже вникнуть в предлагаемую тему.

Первая глава посвящена характеристике исторического контекста возникновения Уложения и описанию его структуры. Важной находкой авторов, позволяющей читателю получить максимально полную (без обращения к другим источникам) картину исторических условий, в которых создавалось Уложение, является справочная информация, содержащая биографические сведения о юристах и политических деятелях, причастных к его разработке (С.Н. Трегубов, Д.А. Черепанов, И.З. Штейнберг, А.А. Шрейдер), а также развернутую информацию о Народном комиссариате юстиции, под эгидой которого оно создавалось. Следует подчеркнуть, что полнота и качество справочной информации дают возможность ощутить накал политической борьбы, на фоне которой работала комиссия Наркомюста, буквально погруженная в эту сложную и бурную эпоху.

Научный комментарий к тексту Уложения охватывает II – VI главы книги. Вдумчивому читателю он открывает следующие свои важные индивидуальные особенности:

Во-первых, совершенно очевидно содержательное предпочтение авторов проблематики Общей части уголовного права. «Советское уголовное уложение, – подчеркивают они, – правовой памятник, в котором в той или иной мере нашли отражение уголовно-правовые идеи, разработанные в доктрине уголовного права. Поэтому особое внимание было уделено анализу теории уголовного права по наиболее существенным моментам: уголовному закону, преступлению, обстоятельствам, исключающим преступность деяния, наказанию и некоторым группам преступлений, выделенным в Особенной части Уложения». Такой подход представляется естественным и закономерным ещё и потому, что Особенная часть уголовного права как свод конкретных уголовно-правовых запретов, прикладных, подвижных и наиболее изменчивых правовых регламентов, традиционно «противопоставляется» Общей части, включающей фундаментальные уголовно-правовые нормы и институты, обособившиеся гораздо позже по времени и являющиеся, как правило, более консервативными с точки зрения законодательной корректировки.

Во-вторых, научный анализ Уложения осуществляется с полным, развернутым и всесторонним представлением доктрины уголовного права по рассматриваемым проблемам. По сути, эту часть книги можно одновременно считать антологией уголовно-правовой теории XIX – начала XX вв. Ценность этого авторского приёма обусловлена не только теми неоспоримыми преимуществами, которые даёт комплексное и системное исследование в процессе получения нового знания, но и теми возможностями, которые создаются при этом для дальнейших размышлений по теме. Авторы как бы приглашают к рассуждениям, к самостоятельному осмыслению бережно ими собранного и систематизированного материала. Так, читатель, интересующийся ролью уголовно-правовой науки, получит ещё одно убедительное доказательство её первопродолжительной роли в развитии уголовного права. Ис-

следователю сложных взаимосвязей между наукой и законодательством открываются новые исторические факты послереволюционного периода, которые вместе с тем иллюстрируют общую для всех времен картину: как мало востребовано законодателем из кладовой науки и как труден путь от научной разработки до действующей уголовно-правовой нормы. Этот перечень можно продолжить, но мы ограничимся общим выводом о том, что научный труд авторов настолько же открывает исследовательские глубины рассматриваемой темы и смежных с ней, насколько и позволяет их познать.

В-третьих, характеризуя Уложение и теоретический фон, на котором оно создавалось, авторы делают важные акценты общественно-политического и духовно-нравственного значения, актуальность которых непреходяща и обусловлена природой преступления и наказания. Эти сложнейшие явления, отданные на откуп юристам, стремятся познать не только они, но и представители других отраслей знания и искусства. Вполне естественно, что в процессе познания трудно (да и не нужно!) соблюдать «отраслевой суверенитет», абстрагироваться от размышлений философского, психологического, морального и т.п. характера. Это прекрасно иллюстрируют приводимые в тексте рассуждения Р. Оуэна и Н.Д. Сергеевского о человеке и причинах «поступков, недостойных разумных существ» (с. 101-102); И.Я Фойницкого – о наказании (с. 105-106) и др. А оценка Н.С. Таганцевым Р. Оуэна как «великого печальника человеческих несчастий, апостола любви и всепрощения...» (с. 101) подчеркивает глубину интереса авторов и к личностным особенностям выдающихся ученых анализируемого временного периода.

К тексту Уложения, являющегося неотъемлемой частью настоящего научного издания, применен дипломатический прием издания: он воспроизводится в полном соответствии с оригиналом и его особенностями. С результатами критики текста читатель встретится в примечаниях. Так, авторы поясняют ошибку нумерации в оригинале Уложения (с. 19, 240); на с. 32, подчеркивая, что под действие уголовного закона попадали деяния, совершенные, в том числе, «в пределах Российской Федеративной Советской Республики», предвидят недоуме-

ние читателя и уточняют, что именно так указано в тексте Уложения.

Уложение сопровождается двумя важными «спутниками». Его предваряет объяснительная записка к проекту Уголовного уложения, написанная редактором Кодификационного отдела А. Шрейдером. Ее стилистические и содержательные особенности как нельзя лучше передают дух времени и основные принципы и идеи, которыми руководствовались составители Уложения. Приведем наиболее, на наш взгляд, показательные: «творческие муки революции», «кованные удары революции», «ржавые окопы допотопного Уголовного кодекса», «резкая ломка лестницы наказаний», «революция – период наивысшего напряжения разрушительных сил – первоисточник нового правотворчества», «от революции к революции – путь развития правовых норм»... Вместе с тем мы находим здесь и важные доказательства осознания необходимости существенного ограничения государственной власти («у неё навеки должен быть отнят освященный традицией ореол святости»), ценности отдельного человека («большинство же, как бы многочисленно оно ни было, не имеет права навязывать свою волю как таковую меньшинству; потому что ни один человек не имеет права приказывать другому человеку, потому что даже все, кроме одного, не имеют права приказывать этому одному»), мучительный поиск ответов на главные вопросы («чем же Уложение должно руководствоваться при определении законности и закономерности того или иного акта? На защиту каких ценностей должно и имеет право и обязано выступать государство? Где критерий, который позволил бы установить предел власти государства, который давал бы классу, группе, личности возможность, даже обязанность в тех или иных случаях сказать свое категорическое субъективное «нет!»?) и, наконец, ответ на один из них («В настоящем Уложении, основной целью которого было заставить не право служить государству, а государство – праву, власти предоставлено право защиты от преступных нападений – *блага реальной человеческой личности и интересы международного солидарного труда*» (Курсив наш. – Н.Н)). В целом объяснительная записка свидетельствует о том, что

идеология нового уголовного законодательства ещё не сложилась.

После текста Уложения приведены две сравнительные таблицы Уголовного уложения 1903 г. и Уголовного уложения 1918 г., позволяющие выяснить, редакции каких статей этих двух исторических памятников совпадают, а какие – нет. Нехитрые математические действия показывают, что совпадающих статей 168, не совпадающих – 198. Таким образом, сравнительные таблицы подтверждают основные теоретические выводы авторов об основанности Уложения на Уголовном уложении 1903 года и, бесспорно, открывают новые возможности для исследования истории уголовного права.

В завершение возвратим читателя к двум мыслям, помещённым нами в качестве эпиграфа. Они принадлежат двум разным людям, жившим в разное время, в разных странах. Объединяет их – предмет размышлений и удивительная гармоничность по отношению друг к другу, ведь знание о прошедшем даёт нам историк, Ученый, без которого – нет истории. В советской истории уголовного права благодаря Ю.В. Грачевой, С.В. Маликову и А.И. Чучаеву открыта новая, интересная и важная страница, обогащающая наше знание об одном из самых сложных её периодов.

УДК 341.9

**КОНФЛИКТНОЕ ПРАВО ПОСТГЛОССАТОРОВ В РАБОТЕ М.И. БРУНА
«ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КОНФЛИКТНОГО ПРАВА»**

Шапсугова

Мариетта Дамировна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского и предпринимательского права,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70)
E-mail: 79282261671 @yandex.ru

Аннотация

В статье содержится обзор конфликтного права постглоссаторов в работе М.И.Бруна «Очерки истории конфликтного права».

Ключевые слова: международное частное право, конфликтное право, М.И. Брун.

Особое место в отечественной науке международного частного права принадлежит Михаилу Исаакиевичу Бруну. В ряду его научных трудов особенно выделяются «Очерки истории конфликтного права», в которых он излагает свой взгляд на историю развития доктрины и понятий международного частного права. Работа уникальна тем, что является и по сей день единственной работой в которой исследуется эволюция науки международного частного права с XII по XVIII вв.

В данной работе М.И. Брун используя метод периодизации делит историю развития конфликтного права на два основных этапа –

конфликтное право постглоссаторов (XIII – XV вв.) и этап развития теории статутов (XV – XVIII вв.).

Деятельность глоссаторов в XIII в. М.И.Брун связывает с подъемом культуры в Северной и Средней Италии, города Италии становятся свободными политическими общинами. Цитируя глоссатора Франциска Аккурсия: «моденец и флорентиец, придя в Болонью, сохраняют свободу и собственность, как если бы они находились в своих государствах, и то же в свою очередь, обеспечивается болонцу в Модене и во Флоренции», приводит ранние примеры коллизий и их реше-